

Родилась в 1988 г. в Казахстане, г. Целиноград (современное название — Астана), где и жила вплоть до учебы в Москве. Вскоре после окончания учебы переехала в Санкт-Петербург, город, который однажды вылечил меня за магические три дня. Стихотворения пишу с 12 лет, но нигде не издавалась. Можно сказать, что пишу в стол. Процесс создания всегда происходит на одном дыхании, я крайне редко что-то переделываю или дорабатываю; стараюсь изложить все внутригорящее максимально качественно именно здесь и сейчас. Если же «дыхания» недостаточно, то, как говорится, «дай Бог, чтобы молчалось». Кумиров у меня нет, но если бы нужно было оставить при себе одну-единственную книгу на все времена, это был бы сборник стихотворений И.Бродского.

РЫЧАЛИ ЗВЕРИ

И кто-то прыгал, с колес срывался, в объятья ветру и временам, прошедшим, будущим, настоящим, и падал, падал на кольцах вальса, и в круги ада себя бросал. И кто-то ждал, зажигая свечи, ожоги сердца лечил, лечил, швырял себя в предыдущий вечер и понимал: ничего не лечит, ни мазь, ни айсберги, ни врачи. Ничто не лечит, не охлаждает. Оно горит и не прогорает, и страшно, страшно, дров не хватает, а чем же дальше его топить? Собою, что ли? Своим ли бредом? Своим ли привкусом горько-медным? Уйти, исчезнуть, курить под пледом. Не ждать, не помнить, не говорить.

Они кричали, рычали звери. И ночь вторила вервольфом им. Они друг друга подрали, съели, урча, тащили друг с друга нервы, от боли горький пуская дым. Они бродили по переулкам и вили логова во дворах, и то, несчастное, билось гулко, под чьим-то свитером, чьей-то курткой, и замирало в чужих губах. Да, губы в губы, губами слушать, тут губы-шея, тут губы-уши, тут губы-бьется-сильнее-глуше, тут ногти в шею и по плечам. И дышат, дышат - не задохнуться, один лишь выдох - как сотня унций, луна дробится на многолунцы, и солнце - жаркое, как очаг.

Потом сидят обреченно-мерзло и держат руки в тугом замке. Свое, больное, наружу рвется, но оба сильны, стойки как горцы. И вдруг она к нему повернется и жадно всхлипнет в его руке. И тут замрет он. И как он вззоет! И тут полезет его живое, его бессильное "что с тобою" ужасным эхом в его ушах. Сидит и воет, ее качая. В себя ввызывает ее печали. «Мы будем, слышишь? Я обещаю.

Не отпущу тебя ни на шаг».

2009 г.

И ТИШИНА

Я рассказывал тебе сказки про белых птиц,
Про принцессу Элизу и братьев ее лебедей.
А потом что-то хлопнуло,

И я не помню лиц,
Ни твое, ни мое, ни каких-то еще людей.
Только чернь камышей да дрожащие обручи по воде.
А потом ты орала. Швыряла в меня
Что-то мокрое, скользкое, с выпущенным нутром,
Я глотал это как бальзам,

Потому что я думал, что мне еще повезло,
Что у нас есть свой дом и в доме горит очаг,
Что улыбка твоя малинова и горяча,
И вкусна, что вот-вот я коснусь твоего плеча,
И тогда...

СТОП

Ты сказала мне: хватит.
И ушла. Это были твои по воде круги.
Я весь год извертел в перемятой своей кровати,
Исшептал: пропади, уходи, передумайся, вымри, сгинь!
Я почти что рыдал

Я почти что упал в свежевырытую могилу.
Ты сама говорила, что это ждет подлецов.
А однажды утром я кое-что осознал:
От тебя вспоминались мне только пруды и рыбы,
Летящие мне в лицо.

И я медленно встал.
Я долго стоял под горячим душем.
Я смывал с себя рыбы кишки, человечью желчь,
Человечье холодное "здравствуй", твое "послушай,
мне так надоело, мне так надо-надоело,
что хочется сжечь".
Все оно утекало в слив с еле слышным свистом.

Я стоял у окна и смотрел на игру теней.
Я почти что рыдал, потому что мне было чисто.
Чисто и тишина.

И что-то еще за ней.

СИНБАД

Лето бормочешь как алфавит, э л е т э о - по букве.
Лето рвет губы, гладит язык, пальцы сплетает в утре,
сутрами бесится на ветру и застывает в глядах.
Осенью холодно. Птицы Рух уволокли Синбада.

Осенью холодно, а постель пахнет пролитым кофе.
Утром все ветреней, холодней, и надеваешь кофту,
шарфом мотаешь дрожанье щек - девочка ли, капуста...
та...

Где ты, Синбад? Ты живой еще?
Здесь без тебя так пусто.

Этой зимой холодны моря, коркою льда одеты.
Девочкин шарф - полосатый стяг - рвется на части
ветром. Нет от Синбада дурных вестей и недурных
не слышно. Холод вгрызается до костей, девочка
еле дышит. Там, за спиной ее, тепло,
а перед нею выюжит. А она шепчет: найду его.
Черт побери, найду же.

Мимо нее пролетает снег, толсто бегут медведи.
Девочка верит вон той звезде, тонущей в Андромеде.
Волосы инеем занесло, только ему не стоять.
Вместо волос ее - серебро, то, что зовется старость.
Руки в царапинах и узлах, голос устал и выцвел.
Только не гаснет в ее глазах рыже-коричный выстрел.

Вот по нему и узнает он, тоже слегка сутулый, только
услышит кричащий звон от выпущенной пули.
Пуля пройдет через птицу Рух, высекут перья искры.
Девочка комкает кости рук. Вот он, Синбад.
Так близко.

И все такие ж его глаза, цвета теней подгорных.
И снова лето, а в нем гроза, капли на теплом горле,
губы его на ее руке, рябь предрассветных полос...

И серебро обретает цвет.
И оживает голос.

ЛЕГКО ИЗБАВЛЯТЬСЯ

Легко избавляться. Легко и почти не больно. Не веником вымести, не утопить в трясине. Берем это то, что не делает нам спокойно, мотаем его бинтами и флизелином. И прячем на дно сундука и ключи теряем, и просим молчать, если кто-то ключи находит и так трясет перед лицом этими ключами, что хочется спрятаться в первом же дымоходе.

Легко избавляться. Легко "не хотеть об этом". А ночью приснится один из последних стансов. Сундук открывается. Множатся сигареты. И не добежать до одной из ближайших станций, где прыгнул бы в поезд, дышал духотой плацкарта, не думал о том, как сгорают твои рассветы. И кажется слишком короткою мира карта и слишком огромным сундук, где живут скелеты.

Легко избавляться. С мечом и огнем священным, с щитом ярко-желтым да с залпами из бойницы, с единственной мыслью: зарыться лицом ей в шею

Да там же и раствориться.

2010 г.

ЗАПАХИ

Чем пахнет тяжесть? Гирями под кроватью, мокрым лицом, затерянным в полотенце, сетью исхоженных улиц и перепятий, пулями вымолчанных любовсказаний, не долетевших до. Сердце, чем пахнет сердце? Ревущим в толпе ребенком, пьяным безумцем, мягкой кровавой ватой, мокрым речным песком, полузадушенной перепелкой, неправильно легкой картой.

Чем неподвижность пахнет? чем пахнут пустоши? Ржавыми тряпками, лодками затонувшими, пылью за дедовым шкафом.

Чем пахну я? Передергиваньем лица в попытке примерить не настоящее - нужное. Выдвинутыми ящиками, порохом в волосах, голосом, еле бегущим по проводам, и невозможностью резать единым махом.

Пережимаю горло - ничем не пахну,
Словно меня и не было никогда.

2012 г.

МЕТАМОРФОЗЫ

Кто-то огромный город зажал в кулак,
Режет дороги, складывает в одну.
Город - большая комната, где никак
Не развернуться, чтобы не шелохнуть.

Город - большая комната: перегнись
Из угла в угол, перепугай мышей.
Невыразима дырчатость половиц.
Невыносима близость локтей и шей.

Трогает окна рябью сырых седин.
Кто-то поставил стулья ногами вверх.
Хочется выйти, но говорят: сиди.
Вертишься взглядом, но не находишь дверь.

Плачь, раскаляйся, дергайся, умоляй.
Пой позвонками, в корчах глотай картечь.

На перевернутом стуле висит петля,
Не замечаешь, пока не расслабишь плеч.